

СОХА И МОЛОТ

Вся власть Крестьянам и Рабочим
в лице их Советов.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Редакция газеты «Соха и Молот» просит товарищей Солдат и всех граждан присылать материалы для газеты.

Адрес редакции: г. Минусинск, Большая улица, дом. Метелькиной.

Просим товарищей рабочих Строительного Союза прибыть на Общее Собрание в воскресенье 28 сентября, в 11 час. дня в помещении бывшего клуба (Гоголевская ул., Мансурова). Порядок дня: 1) Выборы членов правления, 2) Отчет бывшего правления, 3) Текущая дела.
Призидиум Правления.

Все школьные и ротные фельшера, проживающие в городѣ МИНУСИНСКЪ мобилизуются в ряды Крестьянской Арміи почему, обязаны явиться в помещение Мобилизационнаго отдела Исполнительнаго Комитета Армейскаго совѣта Крестьянской Арміи (квартира дом. РИДЕНЕРА против Суботней площади) к двенадцати часам (12 час. дня) двенадцати пятого Сентября с год. Не явившиеся будут считаться пред Армейским Советом Крестьянской Арміи.

Мобилизационный отдѣл.

Армейскій Советъ доводитъ до сведенія г. г. города Минусинска и его окрестностей что пропуски выдаются комендантом города Минусинска г. Ксенономъ. Большая улица, д. Смирнова, противъ Собора.
Исполкомъ.

Главный Штаб Кр. Арміи предлагает всем беженцам, вышедшим во время эвакуации Минусинска казаками, вернуться обратно и заниматься мирным трудом. Штаб считает своим долгом заявить всем убежавшим гражданам, что пушечные выстрелы нашими врагами злонамеренные слухи о наших расправах с первым попавшим вымышлены и ложны в самом корне.

Возвращающимся гражданам дается полная гарантія в безопасности и неприкосновенности их личности. Возвращайтесь и налаживайте свою жизнь этого требует от вас гражданскій долг.

Гл. Штаб Крестьянской Арміи.

Близко, близко!...

Гибель колчаковской авантюры не за горами...

Всем известно, что Россійская Армія гонит прислужников буржуазии на восток, как серых зайцев... Ни для кого не секрет, что фронтны Сибиря растут, как грибы после дождя; чехи, увидев свою ошибку, отказываются дальше поддерживать живодеров народа; каждый знает, что новобранцы полками переходят на нашу сторону, не желая больше подставлять под пули свои груди для защиты своих врагов... Ясно что меч Дамокла, висѣщий над головой верховнаго угнетателя со времени его воцарения, скоро своею тяжестью перервет нитку — и правительству насилия настанет конец... Оставшиеся в живых истинные защитники колчаковскаго шантажа мечутся во все стороны, подобно загнанным в клетку хищникам и никак не могут найти лазейку, в которую им можно было бы вылезти на свет Божій; не могут найти того источника, из котораго можно было бы черпать силы для составления новых кадр которая можно было бы двинуть на защи-

ту своих продажных шкур... Мобилизовать крестьянских детей — значит самим на дель на себя петлю, и вот для того, чтобы хотя немного поддержать свое ядовитое дыхание, они проводят мобилизацию своих верных защитников — казаков вплоть до 55 лет... Но это действительно последние вздохи издыхающаго галла...

Однако, борзелицы колчаковскаго толка продолжают на столбах своих газет утешать обывателя, что никакой, мол, опасности для нас нет, что на Шинке все спокойно. Возьмешь это номер газеты колчаковской окраски и с первых же слов увидишь такую уйму самой безпардонной лжи что тошно станет... До чего человек потеряет всякую совесть, что на глазах крадет правду — мать!...

Вот, например, сейчас у меня в руках случайно попавший мне номер газеты «Минусинскій Край» за 31 августа. В сей газете некий господин утешает «почтеннейшую» публику тем, что «хотя наша армія и отступила, но горавать, дескать нечего. Наша армія была в тылу она ододалась, обувалась, отдыхала... Тепер, отдохнув, она ударит на врага и прогонит

его сразу чутьли не до Москвы...

Хорош отдых — нечего сказать! Мы знаем, на какой «отдых» уходила колчаковская армія с російскаго фронта... Били ее на російском фронте, затем по приказу генералов из за недостатка сил перекинули на внутренний фронт... И здесь ее лупят по всю... Вот как «отдыхает» их армія! В той же газете, рядом с той же статьей помещено воззвание г на почетнаго, Потанина, который, проливая крокодильевы слезы, призывает граждан к оружию, так как «большевистские банды ворвались в Сибирь и грозят нам гибелью... Да, г. Потанин правильно угадал! Россійская армія идет вперед быстрым темпом и действительно для тех, кто хотел превратить наше крестьянство в рабов, кто поддерживал с оружием в руках правительств грабежа и насилия, настанет гибель, ибо демократия и так уже в достаточной степени истребила со своими врагами, забывшая их прежняя обиды, предполагая, что они одумаются, поймут, что с огнем шутить опасно... Но они этого не хотели понять и... скоро, скоро обожгутся

Андрей.

О Красноярских событиях.

Многим из т. т. читателей уже известно о возстаніи в Красноярском городке в ночь с 29 го на 30 е июля, но едва ли многие знают подробности этого возстанія и печальный исход его, а так же ту свирепую расправу, которая была применена «победителями» по отношению к пострадавшим на «существующій порядок».

Желая дать читателям полную картину о всем происшедшем, мы приводим ниже выдержку из доставленнаго нам письма. Фамилия автора этого письма не упоминаем из вполне понятных соображеній. Вот это письмо.

«Наверное вам уже известно, что в нашем городке была попытка к сверженію всего того, что есть.

Дело обстоит так:

Существовала тайная организация, по плану которой в ночь с 29 го на 30 е июля должны были выступить рабочие Николаевки и железнодорожники и захватить железнодорожный мост через реку Вишней. Полки же 3 й и 31 й, расположенные в военном городке, общей численностью около 6000, должны были захватить все выходящее в военном городке оружие и пулеметы и, вооружив пленных (около 10000 человек), двинуться на город. 4 й полк, расположенный в трех милях от городка, выводит выходящее у него батарею из шести орудий и палат по центру города, где размещены разные штабы и чехо-словаки. И вот, в эту ночь, в 3 часа, первый поднялся 3 й полк и поднял 31 й. Захватили пороховой склад, двести пулеметов, все винтовки и целый склад патронов. В это время было сообщено по телефону в город. Возставшие полки вышли из городка, дошли до подованы вули, но тут встретились с посланной из городка сотней казаков и ротой чехо-словаков (всего человек 300). Произошло столкновение. Возставшие разогнали в цѣль протяженнаго около пяти верст. Завязалась бой.

На 4-й доли почему то не был предупрежден своевременно. Там узнали о случившемся — позже. Произошло замешательство. Офицеры использовали этот момент, взяли батарею в свои руки и стали стрелять по возставшим.

Пленные же начали выходить в ряды и, так как солдаты в подавляющем большинстве — новобранцы призыва 1920 го года, не имѣюща обращать с пулеметами, то руководство пулеметной стрельбой взяли на себя немецкія офицеры. Под прикрытием пулеметов возставшие вырыли окопы и, таким образом, была с здана хорошо укрепленная позиция.

Но тут возставших поразило то обстоятельство, что вместо ожидаемой поддержки батарея 4-го полка стала падать по ним.

Новобранцы, никогда не слышавшие оружейной стрельбы, дрогнули и, бросив оружие, побежали. Часть бежала в казармы, а часть в поле. Те и другие были окружены казаками.

Бежавшие в казармы пострадали меньше, так как установить кто из них был в цѣпи и кто нет, было невозможно. Но те которые раньше были «замечены» подверглись жестоко расправе их разстреляли.

Более ужасная расправа была применена к тем, которые бежали в поле. Так как факт, что они были в цѣпи — на лицо, то многих из них сразу же зарубили, а затем, когда они начали выдавать друг друга, то их стали выводить человек по 30—40 сразу и разстреливать. Таким образом, из толпы человек 800—1000 до городка довели не более половины.

В городке был организован военно-полевой суд, в котором «разбирались» и разстреливали. Затем когда уже не представлялось возможным установить виновность, то стали разстреливать сначала по расчету третьяго, а потом десятаго. Остальных поролы шомполами и нагайками.

Чехо-словаки расправиться с русскими отказались и потому за это дело взялись исключительно казаки и «господа офицеры».

Часов около четырех дня в военном городке можно было наблюдать такую картину. К полковому складу съезжено около ста трупов. По городку валялись убитые лошади. Слышны залпы ружейных выстрелов, слышны умирающа. Дальше на площадке около церкви стоит взвод солдат. Перед ним раздеваются человек шесть. Снимают верхнюю одежду и сапоги, остаются в одном нижнем белье и ставаются в ряд. Слышится команда: «Вывод Пли!» «Заги...»

Я не слыю всю ночь. Часов до двенадцати слышны были выстрелы, стоны, слезы, мольбы о пощаде.

Из минусинцев погибли Ив. Гр. Солдатов и Ружайцев.

Как выяснилось теперь, продержась цѣль еще полчаса и картина получилась бы иная: к возставшим примкнул бы четвертый полк, все плече имѣ были бы вооружены, выступили бы рабочие. И тогда шансов чехо-словаков...

Но так как выступившие первыми полки сдались, остальные конечно, не выступали.»

На самоубийство командира 1-го Канскаго полка товарища Александра Дронова.

Ты умер, русский Гарибальди, Сибирскій первый партизан, И, оставляя нас, мечтал ты Найти покой душевных ран. Ты не убил себя, убили Тебя льстецы из-за угла; В бокал тебе отраву лили, — И смерть веню тебе силела. И те льстецы и проходимцы, Без веры в правду, без любви, Глушцы, невежества любимцы, В твоей повинны лиш крови;... Они с тобою пировали, А за спиною нож держали... За то, что ты герой был масс И, как они, в грязи не вяз. Прости им, милый друг свободы: Они не знают, что творят. —Благословят тебя народы, А их, как куклу, нарядят. И в этой кукольной одежде Они придут на правый суд; Тебе веню дадут, как прежде, Они же отправятся под суд. И прав, что ты ушел от лести, Мужик-революционер... Ты был достоин славы, чести, Ты показал борьбы пример. И не был ты в борьбе преступен,

И не травил из-за угла
Ты никого,—как эти трупы,
В тебе победа лишь жила;
Она с тобой и умерла!

Т. Рагозин.

Наши песни.

Песни крови, борьбы пролетарской
Вы слагались под сенью нужды,
Под гнетущей тиранией царской
И под грохот несносной вражды;
Вас не пели на сцене столичной,
Не в цветы убирались вы,
Но жандармом казнились публично
И бросались под своды тюрьмы.—
Но борцы пели вас и в застенках,
Дождаясь свободы святой,
И кровавые пятна на стенках—
Старой эры свидетель живой.
За заводским станком безотрадно
Вы неслись глухою волной,
И цветущей весной ароматной
Вы ходили, как тень за сохой.
В городских подземельях-подвалах,
В рудниках—глубоко под землей,
Где ни солнце лучем не сверкало
Ни сознание над мрачной душой;
Под казенной шинелью солдата,
Замирали вы в льды обратясь,
Но порой раздавались в проклятья
В пустотах метеором несясь,
Но стекали вы неизбежно
Точно капли в морской океан...
И пришли к одному все с надеждой:
На борьбу пролетарии стран!...

Т. Рагозин.

Вести с фронта.

25 сентября. Вчера вечером наши передовая часть переплывались через р. Тубу и заняли с. Курагино. Противник, узнав о переправе наших частей через Тубу, смешался и все шайки, путешествующие в окрестностях Курагино, поспешили убраться в Шалоболыно, где находятся главные силы противника. Кое-где бродят еще шайки белых, но постепенно они вылавливаются нашим авангардом.

Сегодня около Городка наши взяли грамофонную трубу и, заменив ее рупор, стали разговаривать с белыми, находящимися на другой стороне р. Тубы. Наш переговорщик обратился с речью к новобранцам и казакам. Сначала они открыли ружейный огонь по говорившему, но скоро замолчали, но причинил вреда нашему пагандисту. После чего начали вести переговоры, обещая не тревожить их выстрелами, и целых два часа провели в дипломатических сношениях с врагами. Рассказывают очень интересные вещи. Один из наших солдат увидя в рядах белых своего брата и кричит: «Колька, здравствуй! Я здесь! А тот отвечает: «Здорово. Мишка! А я тут!» и много других случаев.

У авятых в плен в последнем бою в Городке, было много знакомых на той стороне, которые так же встречали друг друга приветствиями, надеясь скоро увидиться. Офицеры протестовали на такие переговоры и кричали своим солдатам: «Разойдитесь!» Но последние стояли и не слушали команды начальства до тех пор, пока офицеры не обещали разогнать митинг артиллерией.

Из Красноярска пароходами прибыл отряд оставшихся в России чехо-словаков, который выселился на пристани «Сорокиной». Здесь было собрано общее собрание и на собрании было предложено сейчас же идти в бой с красными. Но чехи заявили, что если правительство желает, чтобы они продолжали борьбу с красными то пусть оно передаст всю власть в Сибири в их руки, на что сибирское правительство ответило категорическим отказом, после чего чехи отказались идти в бой и вернулись в г. Красноярск.

Из слов прибывших к нам с западного Российского фронта выясняется следующее. Не смотря на усиленную маскировку информации правительственной газетой, о том что правительственные войска Сибири перешли, якобы, в наступление и далеко отеснили красных, выясняется, что колчаковская армия бежит в паническом страхе от советских войск России.

Советскими войсками занят город Ново-Николаевск, Томской губернии, и продолжают наступление с громадным успехом. Томск слышно эвакуируется. В Красноярске более 300.000 беженцев. Город совершенно загроможден прибывшими. Цены быстро повышаются на все предметы первой необходимости. Ощущается недостаток хлеба.

По словам прибывших из Красноярска известно, что город Енисейск занят нашими частями Тасеевско-Енисейского фронта.

Записки о борьбе белых с красными.

(Продолжение см. № 4-5).

Вечером 29 мая, как снег на голову, появились на горе около дер. «Тюлюп» цепи красных. Наступление их для белого «начальства» было неожиданно и подействовало ошоломляюще. Командир полка, выйдя из квартиры и видя, что красные с криком: «товарищи, вперед! Ура!» быстро продвигаются к деревне, приказал батальону отступить в дер. «Кийя». На спешно снаряженная часть обоза с криком и криком: «нас обходят» галопом неслись до самой деревни. За обозом вскоре пришли и роты. Вечером выяснили потери: оставлено было много обмундирования, продовольствия. Десятка два не посчитывали солдат.

30 мая отступили по стратегическим соображениям до дер. «Сосновки». Здесь белым попала газета «Енисейский Вестник», в которой была сводка за неделю про Красноярско-Канский фронт. Из этой сводки видно, что белыми были разбиты на голову 4 с лишним тысячи красных. Солдатами эта сводка была встречена, как ложь, с едкой насмешкой, офицерами же—как правда.

31 мая на хребте, лежащем против дер. «Сосновки», произошла перестрелка, где «своих своих не познаша». Белые гусары, выгнанные красными из села «Сугристаг» приняли в дер. «Сосноке» своих за красных и захотели атаковать, но под действием пулеметного и ружейного огня отступили. Потом же выяснилось, что это было взаимное приветствие друзей. Свою странность почти все офицеры проявили и в «Сосновке», сняв опять погону.

1 июня после небольшой перестрелки была занята дер. «Кийя», в которой оставались на продолжительную стоянку. Пришли газеты с объявлением о конфискации всего имущества у добровольно ушедших в красную. И началась конфискация.

В одном доме, где, по показанию крн, были два сына крн Резвицкого мобилизованы в красную, конфисковано все; осталось только что на нем. И стал дом—«хоть шаром покати». Однажды происходила такая «конфискация». Человек пять солдат, вооруженные дубинками и руководимые Н-ком хоз. части, загнали свинью в какой-нибудь двор. За ними бегали хозяева этой свиньи старик со старухой с плачем и криком: «братцы, братцы, последняя свинья, больше ничего нет!» А «братцы», не внемля воплю стариков, то и дело опускали дубинки с высоты на спину свиньи. Некоторые солдаты только и занимались, что с утра до вечера привозили «конфискованное» и делили по усмотрению «начальства».

7 июня белые пошли через дер. «Ингут» и «Леибу» к переправе ниже села «Нарву» версты на две. После 2х дневного боя белые переправились, потеряв убитыми 4 чалов. и ранеными 25 чалов. Про чехо-словаков и итальянцев ничего не было известно.

На следующий день после переправы белые продвинулись верст на семь от села «Нарву» за реку «Пину» где и остановились ночевать. Составив винтовки,

солдаты разбрелись: кто за водой, кто огонь разводил и т. д. В это время на лесистой высокой горе, лежащей влево, раздалась зычная команда: «манскому полку загнуг правый и левый фланги, 1я рота за мной!» Растерявшиеся солдаты белых смешались; некоторые ухватились за первую попавшуюся винтовку, а большинство кинулось без винтовок по дороге на село «Нарву». Что бы получилось, если бы красные действительно пошли наступать?

17 июня было занято без боя «гнездо бандитов» село «Степно-Баджейское, из которого красные ушли накануне.

На следующий день пошли на дер. «Выезжей». Прежде всего встретили разстрелянных красных двух белых цензавиков, которых признали их товарищи по службе, но не по несчастью. У разстрелянных виделось только по одной ране; видимо, убиты были каждый одним выстрелом. Затем стали попадаться почти на каждой версте убитые варварским способом красные, которые выходили из тайги и сдавались без оружия белым в плен. Но казаки таких красных без оружия в плен не брали, а убивали так: ударяли по затылку или по лицу шашкой и, оставив, как говорят, живыми, бросали в кусты. Одного убитого красного нашли с посыпанной по лицу на месте удара солью.

Версты еще не доезжая дер. «Выезжей» остановились на ночевку, так как узнали, что красные уже перешли какую-то реку и пошли тропой по тайге. Здесь уже стали приходить добровольно в плен целые группы красных по 5—10 чел., но опять-таки без оружия. С ними казаки тоже не церемонились и таким же способом убивали. На следующий день пошли обратно. Никто так весело не говорил и не сиял от радости, как «начальство».

По возвращении в «Степно-Баджей» был отдан строгий приказ: налететь всем погоням и не производить ни каких грабежей и насилий. Конечно, погону моментально все надели. Ведь красных уже нет! Что же касается мародерства, то оно по-прежнему продолжалось. Только раньше грабили на законном основании у крн, свинья которых в красной, теперь, когда у красных ничего не осталось—все разграбили—принялись за своих друзей белых, т. е. тех крн, которые сочувствовали белым, но уже не на законном основании, а нелегально.

Стояли белые у одного Степно-Баджейского мельника—сторонника возрождения отечества. У него было много кур, поросят и овец. И вот странность. Незаметным образом куда-то по одной по две в день стали исчезать: сначала куряты до последней, затем все поросята и, наконец, овечки. Хозяин бьет челом «начальству», что, мол, вот неизвестно куда исчезают куряты, поросята и овечки. «Наши солдаты не должны позволять!».. Ведь у нас есть строгий приказ!.. Тогда «господин» вот что—может быть и действительно кто из наших солдат позволяет подобную мерзость,—если такого мерзавца поймаете на месте преступления, тащите его ко мне, а я с ним расправлюсь!» В действительности было, как говорит Крылов: «на волков только слава, а ест овечек Савва», каждое утро и в обеде на столе у «начальства» то жаренная курятина, то поросатина, а то и баранина. Бывало такое же кушанье и у маленького «начальства», как то у фельдфебеля и унтеров.

25 июня возвратились обратно в гор. «Красноярск».

Г. Вредом.

Еще бы полчаса...

Так разуждают наши поборники «ятины», «добра и света». Так разуждают новокрещенные защитники Родины с золотыми погонами, принявшие святое крещение в реке Енисее против г. Велодарска. Эти полчаса сыграли очень и очень громадную роль в работе возрождения России «господами офицерами».

Обождали бы полчаса, были бы храбрыми солдатами колчаковской армии, а теперь предстали из себя разбитую на голову банду, так разуждали господина с золотыми погона-

ми... «Ведь когда-то адмирал Колчак, называл нас гордостью России... Ведь когда-то мы считались солью земли Русской... Как на гордость России, Колчак одел на нас мундир с золотыми погонами. Но эти полчаса заставили свести нас парадную форму и одеть вместо мундира с золотыми погонами мешки с прорезанными дырками для головы. Еще один вопрос: придется ли свести когда-либо эти наши мешки, брошенные нам словно нищим жителями Уюка и Турана. А что да если эти полчаса сыграют действительно решающую роль во всей нашей будущей жизни?... И что же... Ведь тогда не освободится от этого мешка, который с радостью выхватит из рук мужа лавотника?»

Ведь тогда мешок будет нашей праздничной одеждой?..

Эх, лучше бы не убежать отсюда... Лучше бы остаться на век в этих холодных объятиях Енисея... Все это горше, только голодно было бы без мешка в воде. И почему мы не постояли еще эти роковые полчаса в Усинске? Мы бы получали телеграмму гидуа не трогаться, а стоять и дожидаться подкрепления в распоряжении.

Мы и теперь бы там стояли... Чистенькие, умытые, одетые... Стояли бы и поедали бы себе горяченькие блины с маслом. Вот бы вся наша и работа была...

А как это интересно вышло. Пошли гордо, весело, вполне уверенности в абсолютную победу над врагом. Пришли к Велодарску, пошли в этот кровавый бой и не свали кровью добытые нами мундиры. Красные, увидя наше веселое настроение дрогнули и побежали...

Мы завали Велодарск и решили зимовать, захватив лучшие квартиры... Но... Как это случилось? Не простояли мы двух трех часов, как красные бросились на нас. И не успели мы прийти в перьячок как из города пришлось переселиться зимовать на берег... Не знаю, когда это было: летом или уже зимой; днем или ночью... Но только знаю, что стало очень жарко и нам пришлось свести сапоги и все белое и подошвы кивелянам, вступавшим в р. Енисей в 1918 году, для крещения при принятии православной веры, мы вступили в реку Енисей. Не смотря на низкую температуру воды, нам и в Енисее было жарко и мы всячески старались поскорее переплыть реку, рассчитывая на то, что там воздух гораздо холоднее, либо дождь пуль, посылаемый нам в догонку красными, не так нагревал там воздух, как это было здесь...

Только пройдя 70 ти верстное расстояние в 45 часов мы почувствовали, что опасность миновала. Нас начало засыпать. Мы и воспешили попросить у крестьян мешки для того, что бы хоть чем-нибудь да прикрыть наготу своего тела. Все выговата наша спешностью, поскорее зайти в эти мешки и квартиры...

Я вам скажу господа офицеры: «Не увлекайтесь и помните старинную поговорку: «Поспешить людей насмешит»... Кокошкин.

Смесь.

Сегодня, проходя по городу, я услышал такие толки. Буржуазия имеет еще надежды возвратиться к старому Колчаковскому порядку через 2 месяца. И говорят откровенно. Только жалеют что мы их ограбили. Слухи эти правдоподобны и я охотно с этим соглашаюсь. Но только с тем не соглашались Колчака нам не видать. Мужики оружие, добытое ими кровью не отдадут ни на какую провскацию вы их не возьмете.

Как мы пишем.

Вчера вечером я узнал о том, как мы пишем. Будто бы мы завалены «словарями иностранных слов» и в этих Дарданеллах берем для этого материалы, т. е. слова, а так мол не можем произнести ни одного слова. И услышал это не на улице, а в редакции от одной учительницы, близкой стоящей и чуть ли еще не демократки минусинской организ. Значит партийные кружки г. Минусинска, говорят о нас как о каких-то азиатах. Такое сообщение очень приятно.

О В. Я. В. Л. Е. Н. Е.

У Федора Афоняева, в дер. Потрошиловой Малс Минусинской волости, 22 сентября, пропали лошади У гневной кобылицы тавро «А» на левом боку, на передней и задней ноге, грива на обе стороны. У чалаго на задней левой ноге буква «Г» вверх ногами.

Редактор Издатель
Редакционный Отдел Крестьянской Армии.